

ГЛАВА 1
ШИНЫ
ДЛЯ ТРОФЕЙНОГО «ХОРЬХА»

Старший оперуполномоченный Валентин Рожнов вел подозреваемого от самого железнодорожного вокзала. Прибыл он сюда для того, чтобы раздать постовым милиционерам распечатанный в нескольких экземплярах словесный портрет разыскиваемого опасного преступника Игната Коноваленко по кличке Конь, подозреваемого в убийстве с особой жестокостью доктора Гладилина и его дочери, совершенном в Академической слободе. И вот на тебе, неожиданно выпадает козырная карта: как только Валентин отошел от красного двухэтажного здания вокзала и вошел в тенистый привокзальный сквер, то увидел с правой стороны от себя, подле фонарного столба, фигуранта, курившего папиросу. По крайней мере, он полностью отвечал словесному портрету, копии которого Валентин Рожнов только что раздавал: мужчина лет три-

дцати, славянской наружности, рост сто семьдесят — сто семьдесят пять сантиметров, телосложение нормальное. Волосы темные, лицо овальное, нос с горбинкой. Имелась у него и особая примета, которую старший оперуполномоченный отдела по борьбе с бандитизмом и дезертирством Управления МВД по городу Казани Валентин Рожнов видеть в настоящее время, конечно же, не мог: это типичная зекская татуировка на правом плече — «вилы». Как было отмечено очевидцем, видевшим наколку у преступника, выполнена она была весьма изящно, даже со вкусом. «Вилы» один из старейших символов воровского сообщества, служивший отличительным знаком матерых уркаганов. А значит, преступник, носивший столь памятную наколку, — весьма авторитетная и опасная личность.

Можно было бы Игната Коноваленко задержать, и Валентин вполне сумел бы с такой задачей справиться: опыт подобных арестов за его плечами имелся немалый. Но после некоторого колебания он решил, что благоразумнее будет (если удастся) проследить за Конем и выявить его берлогу, в которой тот скрывается от милиции. Не исключено, что кроме него самого в тайном месте хоронятся и другие разыскиваемые преступники. А еще в ней могли быть припрятаны вещи и деньги, похищенные у доктора Гладилина. А это уже неопровержи-

мые улики, доказывающие причастность Коноваленко к ограблению и убийствам.

Тем временем человек, похожий на Игната Коноваленко, перешел неторопливым шагом Протоку и бодро направился к Ярмарочной площади. Постоял немного на трамвайной остановке и, дождавшись трамвая номер девять, вошел в салон вместе с остальными пассажирами. Старший оперуполномоченный Рожнов запрыгнул в трамвай последним, буквально втиснувшись в закрываемые двери.

На Ленинском мосту через реку трамвай немного постоял из-за проведения каких-то ремонтных работ, препятствующих транспортному движению. Затем, трескуче просигналив, трамвай последовал далее уже без вынужденных задержек, высаживая пассажиров на положенных остановках. Подозреваемый находился в задней части вагона и, держась за поручни, равнодушно посматривал в окно. Окружающее его не интересовало. За три остановки до конечной станции опер Валентин Рожнов вдруг поймал на себе взгляд преследуемого фигуранта: тот без всякого выражения посмотрел на Рожнова и равнодушно отвернулся, демонстрируя всем своим видом, что никакого интереса случайный пассажир у него не вызывает.

На остановке «Улица Сталинградская» фигурант сошел. Следом за ним, немного помедлив,

покинул трамвай и Валентин. Подозреваемый бодрым уверенным шагом потопал в сторону поселка Караваево, застроенного частными деревянными строениями и длинными бараками.

Старший оперуполномоченный Рожнов, держась на значительном отдалении, зашагал следом. Миновали первые дома, стоявшие у самой дороги, затем бараки, далее огороды с амбарами. Подозреваемый входил в лабиринт из недостроенных и порушенных строений с деревянными постройками непонятного назначения. Опасаясь, что фигурант может ускользнуть, Валентин немного прибавил шагу и тотчас об этом пожалел: человек, похожий на отсидевшего за грабеж Коня, быстро оглянулся и стремительно побежал. Рожнову ничего не оставалось, как ринуться следом...

* * *

Отставной подполковник Клементий Осипович Филенков, бывший заместитель начальника штаба полка, кавалер ордена Красного Знамени и иных правительственных наград, был несказанно счастлив. Он наконец-то добыл шины для своего красавца — трофейного немецкого «Хорьха» тридцать девятого года выпуска — с никелированной двукрылой фигуркой на капоте и логотипом фирмы Horsch на самом его носу. Добыть такую резину на колеса было делом нелегким: подобных шин

советская промышленность не выпускала, а в радиусе трисот километров не было ни одной схожей модели. Те немногие, что разъезжали по городу, были других «мастей». Однако отставному подполковнику все-таки удалось заполучить немецкую резину. Знакомый майор, владевший трофейным Volkswagen Käfer, предназначенным для обычных бюргеров, посоветовал обратиться к своим знакомым, торговавшим запчастями немецких автомобилей, что, собственно, Клементий Осипович и сделал. А еще через несколько дней он стал обладателем трех почти новеньких шин.

Автомобиль «Хорьх» — машина замечательная. Восемь рабочих цилиндров, девяносто две лошадиных силы. Двигатель — просто зверюга! Независимые подвески, гидравлические тормоза... За передними креслами — настоящий салон отдыха: мягкий диван с подлокотниками, обтянутый кожей, удобные дверцы. Правда, имеется пара недостатков: разгоняется машина не быстро и ход у нее тяжеловат. Хотя, с другой стороны, изьянами такие вещи тоже не назовешь, к мощной машине следует привыкнуть.

Подполковник вышел из квартиры во двор, где находился гараж, и открыл длинным ключом металлическую дверь, после чего широко распахнул дребезжащие ворота. Отлично отдраенная машина сверкала черным ла-

ком. Клементий Осипович сел в водительское кресло и повернул в замке зажигания ключ. Машина басовито заурчала и завелась. Низкий гул двигателя был приятен на слух, и вообще, «Хорьх» вызывал уважение одним своим видом. Полковой заместитель начштаба Клементий Филенков пригнал автомобиль из освобожденного от нацистов немецкого города Баутцена. Трофей был непростым, не какой-нибудь там «Опель-кадет». Заполучить его в собственность оказалось для подполковника непросто: на «Хорьх» вдруг положил глаз прямой начальник Клементия Осиповича — генерал-лейтенант танковых войск Иван Петрович Морчагин. Пришлось проявить характер, чтобы отстоять свой трофей. И по сей день — хотя времени после того разговора прошло немало — вспоминать об этом очень не хотелось... Неприятный получился разговор.

Клементий Осипович включил первую передачу и выгнал автомобиль из гаража. Заперев ворота, вернулся к машине, обошел ее со всех сторон, как если бы высматривал изъяны, и, убедившись, что она идеальна, сел за руль. Тронулся плавно, без рывков. На улице пустынно. Лишь вдалеке виден грязный зад маршрутного автобуса, везущего заводских рабочих на вторую смену.

Филенков включил вторую передачу. Разогнавшись, переключил на третью. Машина

двигалась плавно, мягко, несильно покачивалась на рытвинах и кочках. А ведь правду говорят: водить хорошую автомашину — настоящее удовольствие, мало с чем сравнимое. Еще не зная точно, куда он держит путь, Клементий Осипович повернул на улицу Побежимова, и тут неожиданно прямо под колеса автомобилю выскочил неведь откуда возникший человек. Филенков резко нажал на педаль тормоза. Тяжелый «Хорьх» недовольно заскрипел тормозами, по ушам неприятно ударил свист новенькой резины. По инерции Филенкова бросило вперед, и он сильно ударился грудью о руль. Прямо перед собой Клементий Осипович рассмотрел перекошенное от страха лицо молодого мужчины. Послышался громкий удар, какой случается при ударе легковесного предмета о крепкий металл, и мужчина, подброшенный в воздух, отлетел прямо на дерево, росшее на обочине, крепко ударившись о ствол спиной.

Тяжелый «Хорьх» все же остановился. Подполковник запаса какое-то время ошарашенно смотрел через ветровое стекло на убегающую вдаль полосу асфальта, не до конца осознавая произошедшее, затем распахнул дверцу и буквально вывалился из автомобиля. На нетвердых ногах подбежал к лежащему у дерева человеку. Мужчина лежал в неудобной позе, подогнув под себя поломанные руки, как манекен из папье-маше или какая-нибудь ста-

рая гипсовая кукла, которую вместе с другими игрушками грубо высыпали на пол из картонной коробки. Смертей замначштаба полка Филенков за войну повидал немало, поэтому не стал наклоняться над мужчиной и щупать на запястье пульс. Такая необходимость отсутствовала. Человек был мертв.

Покатался на автомобиле...

* * *

Мужчина, схожий по приметам с разыскиваемым уголовником по кличке Конь, домчавшись до улицы Побежимова, стал перебегать ее, и тут на него, громко заскрипев тормозами, налетел большой черный автомобиль иностранного производства. Конь, если это действительно был он, отлетел на несколько метров в сторону и со всего маху хрястнулся спиной о ствол дерева. Даже если бы он выжил после удара о капот черного автомобиля, то сильнейший удар о ствол дерева наверняка переломил бы ему позвоночник, исключив страдания вместе с возможностью сохранить жизнь. Так оно и произошло в действительности: когда Валя Рожнов подбежал к сбитому автомобилем мужчине, тот уже не дышал и смотрел застывшими глазами куда-то поверх домов. Рядом с телом стоял мужчина лет сорока, очевидно, владелец черного автомобиля, и с убитым видом смотрел на труп.

— Пустая же была улица... Ни машин, ни прохожих. Он выскочил совершенно неожиданно, как черт из табакерки, и в точности под самые колеса, — не глядя на старшего оперуполномоченного Рожнова, мрачно произнес владелец черной заграничной машины. — Я ничего не смог поделывать... Дал по тормозам, а что толку? Машина-то по инерции дальше движется. Ну откуда же он тут взялся!

Владелец «Хорьха» взмахнул одной рукой, словно птица с перебитым крылом, и уныло опустил голову.

Валентин наклонился над трупом. Тонкий джемпер, надетый поверх клетчатой рубашки, был перепачкан и порван. Ворот рубахи был растегнут, обнажая правую ключицу. Старший оперуполномоченный Рожнов оголил правое плечо и выругался:

— Черт!

Тюремной наколки в виде «вил» на правом плече не наблюдалось. Это был не Конь...

— Что вы сказали? — озадаченно спросил владелец черной автомашины, не поняв слов Рожнова.

— Это я не вам, — удрученно посмотрел на него Валентин. Их лица сейчас были похожи. Оба выглядели подавленными и совершенно не представляли, как им поступать далее.

Клементий Осипович Филенков винил себя за то, что угораздило же его приобрести